«Человек есть существо далекого»:

обратная временная перспектива в автобиографической памяти

Вероника Нуркова

АННОТАЦИЯ В статье раскрывается принцип обратной перспективы автобиографической памяти в качестве опорной метафоры для анализа потенциала образов личного прошлого и будущего в наделении смыслом неопределенности настоящего и побуждения масштабированной суперпродолжительными временными периодами деятельности. Дается краткий обзор конструкта временной перспективы (ВП) в психологии. Исходя из функционала ВП в бытии личности формулируется перечень ее оптимальных качеств. Указывается, что фундаментальный закон деградации феноменологии воспоминаний, описываемый «кривой забывания», реализует принцип прямой перспективы и выступает когнитивным препятствием для оптимизации ВП. Однако знаковая природа перспективы как вариативного культурного метода конструирования отношения к пространственной и временной дистанции допускает возможность не только прямого, но и обратного режима. Автобиографическая память реализует принцип обратной перспективы в форме наращивания перцептивной интенсивности образов прошлого и будущего по мере увеличения личностного смысла и временной дистанции событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА автобиографическая память, временная перспектива, закон забывания, прямая и обратная изобразительная перспектива

DOI 10.22394/2078–838X-2024–1-26–37

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Нуркова В. В. «Человек есть существо далекого»: обратная временная перспектива в автобиографической памяти. Образовательная политика, (2024), 1(97), 26–37. DOI:10.22394/2078–838X-2024–1-26–37

Поступила: 05.2024
Принята: 05.2024
Дата публикации: 06.2024

Вероника Валерьевна НУРКОВА

д. псих. н., профессор РАН, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС при Президенте РФ
(119606, РФ, Москва, пр. Вернадского, д. 84.
ORCID ID: 0000-0002-3117-3081).
Scopus ID: 7801671712.
E-mail: Nourkova@mail.ru)

Введение

В лекции, прочитанной более 40 лет назад (13.03.1984) с кафедры Тбилисского университета, М. К. Мамардашвили произнес: «Человек есть существо далекого. То, что он испытывает сейчас, здесь, и то, что ему кажется самодостаточным, … в действительности идет издалека» (Мамардашвили, 1997, с. 13). Задумаемся над сказанным. Во-первых, кажется ясным, что мысль философа адресована не дали пространства, но дали времени. Во-вторых, в контексте рассуждения о творчестве М. Пруста, вряд ли автора могла интересовать механистическая причинно-следственная детерминация поступков фактами биографии. Речь шла об ином: о господстве ирреальности воспоминаний над реальностью ситуации. Предположу, что вдохновленный творческим методом создателя эпопеи об утраченном и обретенном времени, Мамардашвили сформулировал психологам задачу на прояснение того парадоксального модуса темпорального бытия личности, который мне кажется удачным назвать «принципом обратной смысловой перспективы». Но насколько буквально это философско-художественное

предположение о человеке можно экстраполировать на эмпирику психической жизни? Относится ли оно лишь к образам прошлого или распространяется и на образы будущего? Наконец, как «технически» человек может предпочесть далекое близкому?

Перспектива: значение прямое и переносное

Импульсом к формулировке данного (безусловно, пока метафорического) (Взорин, Ушаков, 2023) принципа послужила неслучайная, на мой взгляд, судьба значения слова «перспектива». Этимология этого слова от лат. perspicere — «ясно вижу» — относится к зрительному восприятию, что четко определяет и отраслевое значение — «система изображения на плоскости трехмерного предметного пространства» (Ожегов, Шведова, 1994).

УДЛИНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВОЦИРУЕТ ФОКУСИРОВКУ НА ЦЕЛЯХ ПОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ, А СОКРАЩЕНИЕ — НА ЦЕЛЯХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Искусство перспективы крайне вариативно. Известно и активно используется более 20 методик изобразительной редукции трехмерного пространства к двухмерному (Ланщикова, 2009). Любая из систем перспективного изображения конвенциональна и не отражает динамичного процесса зрительного восприятия. Каждая из возможных перспектив выступает знаком определенного отношения к изображаемому и условием взаимодействия с ним (Флоренский, 2000).

Сфокусируемся на дихотомии прямой / обратной изобразительной перспективы. Эскизно суть ее такова. Прямая перспектива кодирует увеличение расстояния уменьшением размера и четкости объекта, что, соответственно, сокращает онтологичность далекого объекта для созерцающего. В обратной перспективе воспринимаемый размер и прорисовка объектов, наоборот, становятся более четкими для зрителя по мере увеличения расстояния и приводят к оценке далекого как более реального по сравнению с близким. Замечу, что прямая перспектива эгоцентрична и конечна, поскольку смотрящий выступает мерой возможной дистанции до точки схода, где вИдение прерывается, а объект исчезает. Обратная перспектива, напротив, альтерцентрична и бесконечна, т. к. зритель сам является точкой схода. Потенциальное вИдение определяется объектом, на который он смотрит.

В словари внесено также переносное значение перспективы, отсылающее к психологическому изоморфизму пространства и времени (Бахтин, 1975). Именно переносное значение, объединяющее темпоральные проекции сознания (субъективное прошлое, настоящее и будущее), укоренилось в психологии.

Конструкт временной перспективы в психологии

Впервые способность проецировать свое существование в прошлое и будущее была позиционирована в качестве уникального атрибута человеческого опыта Уильямом Джеймсом. Он понимал эту способность как один из источников «энергетического» насыщения «поля сознания» (Кузнецова, 2020). Своего расцвета теоретический потенциал вложенных метафор силового поля и зрительной перспективы достиг в теории жизненного пространства как годологического, т. е. проживаемого в форме конкретной траектории (Левин, 2000, с. 74), где вспоминаемое прошлое и прогнозируемое будущее мыслятся действенными драйверами поведения здесь и сейчас как на уровне реальности (моторного действия), так и на различных уровнях ирреальности (желания, мечты, оценки и т. п.). Именно с работами К. Левина обычно связывают вхождение термина «временнАя перспектива» (далее — ВП) в лексикон психологии. Продолжением

этой традиции стала трактовка образов будущего и отчасти прошлого как вместилища индексированных во времени осознаваемых «мотивационных объектов» — событий в работах Ж. Нюттена (Нюттен, 2004). Рамочное определение, конденсирующее теоретическое наследие основателей психологии ВП, дано Дж. Хасманом и В. Ленцем: «ВП — это степень и способ, которыми хронологическое прошлое и будущее интегрировано в жизненное пространство настоящего через мотивационную регуляцию процессов целеобразования» (Husman, Lens, 1999).

Развернувшаяся экспансия психологии ВП закономерно повлекла за собой спецификацию исследовательских фокусов с акцентами на интегральные оценки «временнЫх ориентаций» (Зимбардо, Бойд, 2010); каузальные связи между вспоминаемыми, проживаемыми и антиципируемыми событиями (Кроник, Ахмеров, 2022); знаково-смысловые конфигурации воспоминаний и проспектов (Нуркова, 2010); варианты локуса контроля относительно временных интервалов (Абульханова, Березина, 2001); реципрокное взаимодействие с актуальной и потенциальной я-концепцией (Conway et al., 2019) и др.

На сегодняшний день степень врастания конструкта ВП в ствол психологии личности и в его отраслевые ответвления столь велика, что скорее легче назвать психолога, игнорирующего данную тематику, чем перечислить тех авторов, кто как минимум подразумевает ее в своих рассуждениях (Мандриков, 2008; Попов, 2017; Stolarski et al., 2018).

Модель оптимальной временной перспективы

Суть элоквентного функционала ВП кратко определил Р. Кастенбаум: «ВП служит двум основным функциям: во-первых, освобождает человека от доминирования над ним непосредственной конкретной ситуации и, как следствие, обеспечивает альтернативу импульсивным действиям; во-вторых, обеспечивает структуру, в которой самоидентичность развивается, поддерживается и само-трансформируется» (Kastenbaum, 1964). Кажется разумным включить в этот ряд обеспечение вершинных личностных феноменов, которые просто немыслимы без развернутой в прошлое и будущее перспективы. Речь идет о благодарности, ответственности, вине и гордости, а также их темных сиблингах — обиде, мести, зависти.

В соответствии с универсальным законом «форма следует из функций» (кстати, сформулированным Луисом Генри Салливаном в конце XIX в. для архитектуры), вопрос об оптимальных характеристиках ВП нужно решать исходя из ее элоквентных функций. Поэтому содержание оптимальной ВП должно быть достаточно «сильным», чтобы успешно конкурировать с ситуативными стимулами, а структура — достаточно устойчивой, чтобы удерживать каркас самооценочно-значимых свойств личности и результаты мониторинга их проявления в калейдоскопе жизненных коллизий. Отсюда логично следуют признаки «хорошей» ВП:

1) эмоциональная интенсивность;
2) перцептивная яркость;
3) ретроспективная и проспективная протяженность;
4) событийная насыщенность;
5) субъективная достоверность;
6) подвластность самоконтролю;
7) содержательная конгруэнтность возрастным, ролевым и экзистенциальным задачам (Левин, 2000; Seijts, 1998; Phan et al., 2020).

Отмечу, что опубликованные на сегодняшний день эмпирические работы крайне неоднородно верифицируют указанные выше характеристики оптимальной ВП, преимущественно концентрируясь на самоотчетном отношении к ее компонентам в форме общих оценочных суждений (наиболее популярной является шкала ZTPI Зимбардо и Бойда). В целом метаанализы фиксируют умеренную, но надежную взаимозависимость позитивных прошлого и будущего, способности к самоуправлению и, как следствие, инструментального уровня реализации целей. См. метаанализ около 500 публикаций (Andre et al., 2018; Baird et al, 2021).

Приходится констатировать, что доминирующий методический подход (общая оценка, а не экспликация конкретных событий) значительно обеднил корпус исследований функциональности других, гипотетически не менее значимых свойств ВП. Тем более важным кажется упомянуть некоторые из них. Зафиксировано, что детальное и полимодальное воображение (episodic future thinking) положительных событий — последствий своих действий — эффективно в качестве средства торможения импульсивного поведения (Daniel et al., 2013) и позволяет генерировать более конструктивные планы преодоления стрессогенных ситуаций (Jing et al., 2016).

Для протяженности временнОго горизонта (time horizon) обнаружена связь с внутренним локусом контроля относительно событий будущего и более четкими представлениями о себе в отдаленные периоды времени (Fingerman, Perlmutter, 1995). Данная закономерность хорошо согласуется с тем, что субъективное удлинение как проспективы будущего (Mitchell et al., 2005), так и ретроспективы прошлого (Нуркова, Бодунов, 2014) аккомпанирует осознанному переходу к трезвой жизни у алкоголиков. Недавно установлено, что увеличение масштаба ВП и ее событийной насыщенности в обоих направлениях выступает стратегией преодоления травмирующей неопределенности настоящего в условиях глобальных кризисов (Nourkova, Gofman, 2022).

Впечатляющие работы, включающие в себя экспериментальную модуляцию временнОго горизонта, выполнены с позиций концепции социоэмоциональной селективности Лауры Карстенсен (Carstensen, 2006). Согласно данной концепции, колебания протяженности перспективы будущего как обусловленные объективными жизненными обстоятельствами (старение, опасные заболевания, смена места жительства, глобальные изменения), так и искусственно вызванные в лабораторных условиях, направленно смещают мотивационные приоритеты. Удлинение перспективы провоцирует фокусировку на целях познания и социальных достижений, а сокращение — на целях межличностных отношений и личностной интеграции. В исследование Чу с коллегами (Chu et al., 2018) были вовлечены около 700 участников в возрасте от 25 до 75 лет. Им предлагалось назвать цели, которых они хотели бы достичь либо «до конца жизни» (открытый временной горизонт), либо представив, что им осталось жить всего полгода (сокращенный временной горизонт). Хотя среднее количество названных целей не зависело ни от возраста участников, ни от экспериментальных условий (в среднем 11 целей), номенклатура желаемых событий изменялась в соответствии с прогнозом Карстенсен. Полученный эффект линейно усиливался с возрастом участников.

ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ В РЕЖИМЕ ЛИЧНОСТИ ЛИШЬ В ПЕРИОДЫ ОСОЗНАНИЯ СВОЕЙ ИСТОРИИ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНЕРЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАВЕРШИВШЕГОСЯ ЭПИЗОДА ТАКОГО ОСОЗНАНИЯ

Суммируем, что многочисленные противоречия в операционализации и пробелы в исследованиях конструкта ВП не подвергают сомнению сам факт присутствия в сознании «линз» образов прошлого и будущего, через которые, прежде чем принять форму намерения и действия, преломляется любой мотивационный импульс. Однако, по моему мнению, очевидное стремление к максимальной реализации оптимальных свойств ВП не может быть реализовано без включения в ее концептуальную модель определенного представления о динамике изменения феноменологических качеств «мотивационных объектов» в зависимости от их временной локализации. В противном случае, мы имеем дело с перспективой без ее конкретного метода. Полноценная теория ВП должна описывать и объяснять, какой

перспективной (прямой, обратной или другой) пользуется психика для отображения в сознании событий прошлого и будущего. Универсальна ли политика ВП или она закономерно варьирует в зависимости от тех или иных факторов? Являются ли параметры ВП стилевой характеристикой личности или даже могут быть положены в основу ее типологии? Способен ли человек намеренно изменять стиль перспективы?

Прямая перспектива прошлого и будущего

Однозначный выбор в пользу прямой перспективы сделан в теории уровней признаков (Construal Level Theory) Я. Троупа и Н. Либерман (Trope, Liberman, 2003; Кривошеин, Котов, 2016). Согласно данной теории, объекты и события репрезентируются сознанию аналогично изображению в прямой перспективе. Те из них, которые атрибутируются субъектом близкой временной дистанции, осознаются в богатстве конкретных деталей (можно сказать, с акцентом на чувственную ткань образа), а те, что оцениваются как отдаленные во времени — абстрактно (с акцентом на значение). Отсюда следуют различия в мотивационном потенциале: абстрактное и далекое провоцирует иное поведение по сравнению с близким и наглядным.

Прогноз и констатация теорией уровней признаков прямой перспективы в протекании когнитивных процессов согласуются с фундаментальными общепсихологическими закономерностями. Пожалуй, самым известным из законов памяти, открытием которого блистательно дебютировала экспериментальная психология, является закон забывания Г. Ф. Эббингауза. Основной посыл этого закона в том, что стремительное на первых порах снижение эффективности воспроизведения единожды сохраненного в памяти материала затем замедляется. Резко затормозив (пройдя точку перегиба кривой), материал прекращает терять свой мнемический потенциал и впоследствии воспроизводится на неизменном уровне, который, конечно, не сравним по интенсивности с опытом проживаемого момента.

Оригинальная «кривая забывания» — результат фантастически трудоемкого и методически изобретательного эксперимента Г. Ф. Эббингауза, была получена для воспоминаний о прошлом, однако полностью применима и к памяти о будущем т. н. «проспективной памяти» (McDaniel, Einstein, 2007; Szpunar et al., 2013). Тезис о симметричности ретроспективного и проспективного компонентов памяти («Память работает в обе стороны», — говаривала Шахматная Королева из «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла) обосновывается данными об эквивалентности их феноменологии, чувствительности к различным воздействиям, патологии, онтогенетического дебюта, возрастных изменений и нейрофизиологического обеспечения (D'Argembeau, 2012; Rasmussen, Berntsen, 2013).

Почти век спустя Уейном Викелгреном (Wayne Wickelgren) было доказано, что данные опытов Эббингауза и его последователей наиболее удачно описываются замедляющейся экспоненциальной функцией, по форме напоминающей закономерность падения тела в среде с сопротивлением (Буймов, 2017). Из закона забывания следует, что на полное воспроизведение могут претендовать только события, входящие в некоторый «купол» настоящего, а воспоминания и проспекты ожидает одинаковая незавидная участь «обесплочивания» (используем термин О. Шпенглера). Неспособность вспоминать прошлое и воображать будущее со свойственной переживанию настоящего степенью субъективной реальности называют «временнОй близорукостью» (temporal myopia) и рассматривают как непосредственный источник «временнОго обесценивания» (temporal discounting) (Gabaix, Laibson, 2017), что подтверждается в том числе и сходством описывающих их математических функций (Critchfield, Madden, 2006). Таким образом, фундаментальный закон забывания и следующая из него девальвация отдаленного во времени — это воплощение принципа прямой перспективы.

От прямой к обратной временной перспективе

Принцип прямой перспективы, в связи с которым отдаленные причины и последствия действий в настоящем теряют перцептивную и вследствие этого субъективную достоверность, выступает основным когнитивным препятствием в осуществлении культурно-антропологического замысла развернутой диахронической способности самосознания. Для самоопределения личности в масштабе жизненной истории объективно далекое должно осознаваться и переживаться как субъективно действительное, а прямая перспектива работает против этого. Но как вообще психологически возможна обратная ВП? Какие когнитивные механизмы можно рекрутировать для пусть и выборочного наделения образов прошлых и будущих событий чувственной тканью необходимой субъективной интенсивности?

По моему мнению, выход из тупика (или как минимум проблески возможности перехода от прямой к обратной ВП) следует искать на пути размышлений о когнитивном субстрате ВП — автобиографической памяти.

Культурный проект автобиографической памяти

Автобиографическая система памяти была изобретена человечеством как предпосылка возможности становления автономной личности с индивидуальной системой ценностей, я-концепцией и самооценкой (Нуркова, 2019). Техническим обеспечением решения этой задачи культурной эволюции стала способность конструировать субъективно убедительную событийно-концептуальную историю своей жизни, генерировать конкретные воспоминания о личном прошлом и образы будущих событий, совершать мысленные путешествия по оси индивидуального времени.

Только находясь в смысловом поле порожденного им самим динамического автобиографического самоописания — «помня себя» и «мечтая о себе», как бы ни предостерегал от последнего св. апостол Павел (Послание к римлянам 12:16), носитель этой уникальной мнемической системы на деле располагает инструментом контроля сиюминутных импульсов, поступая тем или иным образом «ради памяти», «ради будущего», надситуационно (Петровский, 2011). Рискну утверждать, что человек живет в режиме личности лишь в периоды осознания своей истории или использования инерционного потенциала завершившегося эпизода такого осознания. Напротив, без доступа к корпусу самоопределяющих воспоминаний и проспектов субъект погружается в личностное забытье, буквально превращаясь в «человека без свойств». Вернее, его личностные свойства деградируют к свойствам доличностного уровня.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РАСПОЛАГАЕТ МЕХАНИЗМОМ НАСТРОЙКИ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА ДИСТАНЦИРОВАННОГО ВО ВРЕМЕНИ СОБЫТИЯ

Вопрос о том, насколько личность может отождествляться с ее осознанной автобиографией, остается дискуссионным. Скорее, легитимно говорить об автобиографической памяти как о совокупности когнитивных механизмов, обеспечивающих возникновение и развитие личности. Однако в той мере, в какой автобиографическая память архивирует данные для ответов на вопросы: «кто я?», «какой я?», «что для меня важно?», «чем я не могу поступиться?», «к чему я стремлюсь?», постоянная «оглядка» на ее содержание является неотъемлемым компонентом способности к ценностно-ориентированному аутентичному существованию.

Но как образы отдаленных во времени событий могут смещать мотивационный

центр тяжести личности с побуждений, обусловленных ситуацией «здесь и теперь» к масштабу «там и тогда», если структура ВП прямая, если автобиографическая память с течением времени планомерно сокращает свой психологический «размер» и, следовательно, мотивационную силу событий? Как стать и быть «существом далекого»? Эффективная поддержка личности требует противоположного — работы в режиме обратной перспективы, что представляет собой серьезный когнитивный вызов. Содержит ли автобиографическая память ресурс адекватного ответа?

Факты обратной временной перспективы в автобиографической памяти

На первый взгляд кажется, что и автобиографическая память подчинена режиму прямой (хотя и нелинейной) изобразительной перспективы. Например, Спрен и Левин (Spreng, Levine, 2006) изучали воспоминания и проспекты, называемые респондентами в ответ на предъявление 90 нейтральных ключевых слов. В соответствии с описанными выше результатами Викелгрена, в обоих временных направлениях наилучшие показатели модели распределения датировок событий и их эпизодических деталей были получены для экспоненциальной функции. Аналогичная картина сложилась в кросс-культурном исследовании, включавшем по 100 студентов из Корнеллского и Пекинского университетов (Wang et al., 2011) при сравнении событий, относящихся к примыкающим к интервью годам, и событий из интервалов «10–15 лет назад/вперед», хотя количество семантической информации о событиях не различалось.

Однако более пристальное рассмотрение обнаруживает факты, которые можно трактовать как признаки действия обратной перспективы. Например, Аддис с коллегами (Addis et al., 2008), используя схожую ассоциативную процедуру, подтвердили снижение количества событий и конкретных деталей описания по мере их отдаления от момента интервью. При этом самоотчетная интенсивность эмоциональной насыщенности и личностной значимости событий, наоборот, со временем нарастала. Иными словами, на нейтральное слово-стимул респонденты обычно реагировали воспроизведением недавнего/скорого яркого эпизода, но если уж они генерировали событие из отдаленного прошлого/будущего, то оно было значимым и сопровождалось выраженным эмоциональным переживанием. При сужении инструкции до номинирования самых важных событий прошлого Б. Демирай и С. Янссен (Demiray, Janssen, 2015) на разновозрастной выборке в 500 участников зафиксировали отсутствие связи между временной удаленностью событий и их феноменологическими характеристиками. При этом, введя дополнительное измерение «психологической дистанции», авторы установили, что тенденция психологически приближать событие положительно связана с его важностью. Причем пожилые участники в большей степени чувствовали психологическую близость именно по отношению к отдаленным во времени событиям. В пользу того, что возраст и связанные с ним изменения личности могут быть ключевыми для поворота от прямой к обратной временной перспективе, свидетельствует то, что, согласно теоретическим положениям, центральной личностной задачей пожилого возраста является преодоление отчаяния от осознания приближающейся смерти за счет интеграции со всем прошлым опытом, т. е. создание максимально развернутой во времени истории прошлого (Erikson et al., 1986). Эмпирические данные подтверждают, что старики чаще по сравнению с людьми среднего возраста определяют свою личность через воспоминания об отдаленных во времени событиях, практически не используя в интегративной функции воспоминания о случившемся недавно (Pasupathi, Mansour, 2006; Rice, Pasupathi, 2010).

Прямое сравнение в рамках одного исследования важных воспоминаний / проспектов и вызванных ассоциациями, показало, что первые, вне зависимости от

временной локализации, превосходили вторые по яркости, детальности, наполненности ощущениями различных модальностей, переживанию «путешествия во времени» (Berntsen, Bohn, 2010). Более того, при использовании обеих инструкций оценка значимости событий для истории жизни и идентичности нарастала по мере удаленности от текущего момента.

Для более глубокого анализа личностной значимости событий Д. Рубин с коллегами (Rubin et al., 2019) вместо единичного вопроса использовали специально разработанную шкалу «центральности» события для истории жизни (Centrality of Event scale), включающую 7 пунктов, например, «это событие — часть моей идентичности», «без этого события я бы не был собой» или «это событие — точка отсчета моего понимания самого себя и окружающего мира». Около двухсот разновозрастных участников генерировали по одному событию прошлого и будущего для четырех интервалов (неделя, месяц, год, более года) и оценивали каждое из них по предложенной шкале. Авторы получили симметричное линейное возрастание среднего балла по мере обращения к более отдаленным интервалам времени. Существенным уточнением установленной закономерности стало также рассмотрение тенденции воспроизводить высокозначимые для личной истории события в ответ на все варианты инструкции в качестве дифференциально-психологической характеристики. У участников, склонных вспоминать и прогнозировать через оптику масштабной субъективной значимости (self-narrative focus), нарастание личностного смысла событий с удалением во времени проявлялось максимально ярко.

Изложенное позволяет предположить, что автобиографическая память располагает механизмом настройки перспективы в зависимости от личностного смысла дистанцированного во времени события. Воспоминания и проспекты, оцениваемые как обыденные инциденты и возникающие в сознании в связи с ситуационными триггерами, подчиняются универсальным закономерностям прямой ВП. Конструирование образа события при решении задачи на личностный смысл переводит перспективу в обратный режим. Иными словами, автобиографическая память ведет «двойственную» политику ВП, культивируя чувственную ткань далекого, но судьбоносного для личности опыта и пре-опыта (увы, термина, более адекватного англоязычному pre-experience, пока не найдено).

Отмечу еще одну проблему, мешающую распознать действие обратной ВП в автобиографической памяти. Сопоставляя феноменологические показатели события и его возраст, авторы полагаются на самоотчетные датировки. При этом из виду упускается их крайняя ненадежность. Именно ошибки датировки содержательно относящихся к текущей я-концепции событий стали центром аргументации концепции А. Уилсон и М. Росса (temporal self-appraisal) (Wilson, Ross, 2003). Согласно их подходу, людям свойственно сокращать субъективную временную дистанцию до событий, которые кажутся выигрышными с точки зрения актуальной я-концепции, и отдалять во времени те события, что ей противоречат. Таким образом, объективно одновременные события могут связываться с разными датами. Психологически это достигается за счет механизма перцептивного «зашумления» образов, инконгруэнтных я-концепции воспоминаний/проспектов и, наоборот, перцептивного прояснения конгруэнтных. Другими словами, дисфункциональные для поддержания самоидентичности личности события подчиняются прямой ВП, а функциональные — обратной ВП. Получается, что уже на этапе сбора данных участники могут сообщать неверные сведения относительно дат событий, присваивая более близкие даты личностно актуальным событиям.

Наконец, подчеркнем, что сознание субъекта, пребывающего в вершине «купола настоящего», является инстанцией выбора режима ВП автобиографической памяти. Судьба события определяется не однократно в момент его первичной записи в память, а переопределяется при каждом воспроизведении. Иллюстрацией данного тезиса может служить описанный мной ранее эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от

мотивационно-смысловой динамики деятельности, который был выявлен на материале сравнения воспоминаний москвичей о совершенной в сентябре 1999 г. серии террористических актов в Москве (Нуркова, 2009; Nourkova, 2011). Участников исследования опрашивали дважды с полугодовым интервалом: в апреле и в октябре 2002 г. При первом опросе проблема безопасности перед лицом террористической угрозы не была для респондентов первоочередной. Выполняя инструкцию «вспомнить о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г.», участники руководствовались мотивацией сотрудничества с исследователем и в среднем воспроизводили достаточно бедные перцептивными деталями образы. Второй опрос проводился вскоре после захвата террористами заложников в театральном центре на Дубровке (21 октября 2002 г.). На этот раз воспоминания о том же самом событии были значительно более детализированными, яркими, эмоциональными, многословными и сопровождались переживанием субъективной достоверности. Причина того, что через полгода после первого опроса воспоминания не поблекли, а, наоборот, приобрели большую интенсивность, очевидно в том, что после наступления сходного по смыслу события угроза терроризма была вновь осознана как реально существующая, произошла «реставрация» смысловой иерархии трехлетней давности. Событие вновь обрело личностную значимость. Можно сказать, что нарастание смысла мнемического содержания «иррадиировало» на другую образующую сознания — чувственную ткань — и спровоцировало переход от прямой к обратной ВП.

Заключение

Подведем промежуточный итог. Анализ показал, что существующие концепции ВП парадоксальным образом игнорируют потенциальную вариативность перспективы как культурного *метода* репрезентации разновременных объектов сознанию. Авторы имплицитно подразумевают, что субъект «видит» событийное время своей жизни из точки настоящего момента в режиме прямой изобразительной перспективы. При этом из виду упускается тот факт, что прямая перспектива представляет собой лишь один (хотя и наиболее распространенный в живописи) из способов обозначения дистанции. В изобразительном искусстве изобретены и опробованы десятки иных видов перспектив — режимов взаимодействия зрителя с пространством картины, в том числе обратная перспектива, где значимость отдаленных объектов кодируется акцентированием их перцептивных качеств. Трактовка ВП как интериоризированной культурной практики изобразительной перспективы позволяет выдвинуть гипотезу о функциональности обратной перспективы при решении личностных задач ресурсом автобиографической памяти.

В тексте статьи я попыталась обосновать ряд тезисов. Во-первых, поскольку минимальное проявление личностного в человеке безальтернативно требует ослабления давления ситуативной детерминации, обладание ВП необходимо per se. Многочисленные эмпирические данные подтверждают, что «умозрение» в прямой перспективе реализуется при воспоминании и конструировании рутинного жизненного опыта на коротких временных интервалах (эпизодическая память) и периферической относительно ядра личности автобиографической информации.

Во-вторых, мотивационное развитие личности идет по линии расширения временнОго горизонта и усиления способности локализовать побуждающие и поддерживающие активность идеальные объекты в отдаленных ретроспективе и проспективе индивидуальной жизни. Таким образом, развивающаяся личность приобретает все большую объективную свободу от обстоятельств, становясь все более зависимой от самой себя. При этом увеличению пропорции ретроспективной и проспективной (как по источнику, так и по мишени) мотивации противостоит

фундаментальный закон забывания, согласно которому память в целом страдает временнОй близорукостью, сопряженной с девальвацией реальности далекого по сравнению с близким.

Однако полноценное бытие личности в пространстве разновременных идеальных объектов требует опоры на принцип обратной перспективы. В связи с этим, третьим тезисом стало предположение о завязях развития принципа обратной перспективы в функционировании зрелой автобиографической памяти. Сфокусированный на проблеме анализ литературы привел к выводу о том, что в автобиографической памяти идет выработка механизма настройки перспективы в зависимости от личностного смысла события. Принцип обратной перспективы реализуется в ней в форме наращивания перцептивной интенсивности образов прошлого и будущего по мере увеличения личностного смысла и временной дистанции событий.

В завершение уточню, что предлагаемый механизм мыслится мной не как завершенный, а скорее, как преадаптационный относительно горизонта возможного развития личности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017). Я убеждена, что от эффективности освоения принципа обратной перспективы во многом зависит антропологический прогресс. Способность произвольной регуляции ВП открывает путь к новым рубежам личностного уровня функционирования человека, так как делает предметом выбора и волевого контроля процесс вовлечения укорененной в личном опыте ретроспективной и проспективной мотивации в план реального целеполагания и целедостижения.

Список источников

Абульханова, К. А., Березина, Т. Н. (2001). *Время личности и время жизни.* СПб.: Алетейя.

Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., Черноризов, А. М. (2017). Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем. *Вопросы психологии,* 4, 3–26.

Бахтин, М. М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе. *Вопросы литературы и эстетики.* М.: Художественная литература.

Буймов, А. Г. (2017). Закономерности поведения кривых забывания. *Доклады ТУСУР.* 20(4), 138–141. DOI:10.21293/1818–0442–2017–20–4–138–141.

Взорин, Г. Д., Ушаков, Д. В. (2023). Образы Человека: от «фасеточного видения» — к Homo Complexus. *Образовательная политика, 2*(94), 8–19. DOI:10.22394/2078–838X-2023–2–8–18.

Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. (2010). *Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь.* СПб.: Речь.

Кривошеина, И. В., Котов, А. А. (2016). Теория конструктов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа. *Социальная психология и общество, 7* (4), 5–18. DOI:10.17759/sps.2016070401.

Кроник, А. А., Ахмеров, Р. А. (2022). *Каузометрия: методы самопознания, психотерапии и психодиагностики в психологии жизненного пути.* 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл.

Кузнецова, М. М. (2020). Значение понятия Духовная энергия в философии Уильяма Джеймса и Анри Бергсона. *Философские науки. 63* (4), 115–131.

Ланщикова, Г. А. (2009). Виды перспективных построений пространства в изобразительном искусстве и дизайне. *Омский Научный Вестник. Культурология. Искусствоведение, 3* (78), 205–209.

Левин, К. (2000). *Теория поля в социальных науках (*пер. Е. Сурпина). СПб.: Речь.

Мамардашвили, М. К. (1997). *Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени».* СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. ин-та.

Мандрикова, Е. Ю. (2008). Современные подходы к изучению временной перспективы личности. *Психол. журн., 29* (4), 54–65.

Нуркова, В. В. (2010). Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии. *Психология. Журнал Высшей Школы экономики, 7*(2), 64–82.

Нуркова, В. В. (2019). *Психология фотографии. Культурно-исторический анализ.* М.: Юрайт.

Нуркова, В. В. (2009). Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности. *Культурно-историческая психология*, *5*(2), 60–67.

Нуркова, В. В., Бодунов, Е. А. (2014). Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме. *Вестник Московского университета.* Серия 14: Психология. 2, 46–60.

Нюттен, Ж. (2004). *Мотивация, действие и перспектива будущего.* М.: Смысл.

Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. (1994). *Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений.* Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд. М.: Азъ.

Петровский, В. А. (2011). *Человек над ситуацией.* М.: Смысл.

Попова, О. Н. (2017). Проблема сбалансированности временной перспективы личности. *Сибирский психологический журнал,* 66, 18–31. DOI:10.17223/17267080/66/2.

Флоренский, П. А. (2000). Обратная перспектива. *Сочинения в 4 т., 3*(1). М.: Мысль.

References

Addis, D. R., Wong, A. T., Schacter, D. L. (2008). Age-related changes in the episodic simulation of future events. *Psychological science, 19*(1), 33–41. DOI: 0.1111/j.1467–9280.2008.02043.x.

Andre, L., van Vianen, A. E., et al. (2018). Motivational power of future time perspective: Meta-analyses in education, work, and health. *PloS one, 13*(1), e0190492.

Baird. H. M., Webb, T. L., Sirois, F. M., et al. (2021). Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. P*sychological Bulletin, 147*(3), 233–267.

Berntsen, D., Bohn, A. (2010). Remembering and forecasting: The relation. *Memory & Cognition, 38*(3), 265–278.

Carstensen, L. L. (2006). The influence of a sense of time on human development. *Science, 312,* 1913–1915.

Chu, Q., Grühn, D., Holland, A. M. (2018). Before I die: The impact of time horizon and age on bucket-list goals. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry, 31*(3), 151–162.

Conway, M. A., Justice, L. V., D'Argembeau, A. (2019). The self-memory system revisited: past, present, and future. *The organization and structure of autobiographical memory*. Oxford University Press: 28–51. https://doi.org/10.1093/oso/9780198784845.003.0003.

Critchfield, T. S., Madden, G. J. (2006). *At the crossroads of time and action: A temporal discounting primer for prospective memory researchers. Timing the future: The case for a time-based prospective memory,* 117–142.

Daniel, T. O., Stanton, C. M., Epstein, L. H. (2013). The future is now reducing impulsivity and energy intake using episodic future thinking. *Psychol. Sci.* 24, 2339–2342. DOI:10.1177/0956797613488780

D'Argembeau, A. (2012). *Autobiographical memory and future thinking. Understanding autobiographical memory: Theories and approaches* (pp. 311–330). Cambridge University Press.

Demiray, B., Janssen, S. M. (2015). The self-enhancement function of autobiographical memory. *Applied Cognitive Psychology, 29*(1), 49–60. https://doi.org/10.1002/acp.3074.

Erikson, E., Erikson, J. M., Kivnick, H. (1986). *Vital involvement in old age.* NY.: Norton.

Fingerman, K. L., Perlmutter, M. (1995). Future Time Perspective and Life Events across Adulthood. *The Journal of General Psychology, 122*(1), 95–111. DOI: 10.1080/00221309.1995.9921225.

Gabaix, X., Laibson, D. (2017). *Myopia and Discounting NBER Working Paper, 23254.* National Bureau of Economic Research, Inc.

Husman, J., Lens, W. (1999). The role of the future in student motivation. *Educ. Psychol.* 34, 113–125. https://doi.org/10.1207/s15326985ep3402_4.

Jing, H. G., Madore, K. P., Schacter, D. L. (2016). Worrying about the future: An episodic specificity induction impacts problem solving, reappraisal, and well-being. *Journal of Experimental Psychology: General, 145*(4), 402–418. DOI:10.1037/xge0000142.

Kastenbaum, R. (1964). The structure and function of time perspective. *Journal of Psychological Researches, 8*(3), 97–105. DOI: 10.1080/00221309.1961.9920473.

McDaniel, M. A., Einstein, G. O. (2007). *Prospective memory: An overview and synthesis of an emerging field.* Sage Publications, Inc.

Mitchell, J. M., Fields, H. L., et al. (2005). Impulsive responding in alcoholics. *Alcoholism: clinical and experimental research, 29*(12), 2158–2169. DOI: 10.1097/01.alc.0000191755.63639.4a

Nourkova, V. V. (2011). Current motivational state may change the phenomenology of recollection automatically. a new effect of activity on reported vividness and confidence. *Journal of Russian & East European Psychology, 49*(3), 40–54. DOI: 10.2753/RPO1061–0405490303.

Nourkova, V. V., Gofman, A. A. (2022). Event time perspective in adaptation to the Covid-19 pandemic: Preliminary insights from two Chinese samples. *Timing & Time Perception, 10* (3), 195–222. DOI:10.1163/22134468-bja10051.

Pasupathi, M., Mansour, E. (2006). Adult age differences in autobiographical reasoning in narratives. *Developmental Psychology, 42*(5), 798–808. DOI:10.1037/0012–1649.42.5.798.

Phan, H. P., Ngu, B. H., McQueen, K. (2020). Future time perspective and the achievement of optimal best: Reflections, conceptualizations, and future directions for development. *Frontiers in Psychology, 11,* 484863. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01037.

Rasmussen, A. S., Berntsen, D. (2013). The reality of the past versus the ideality of the future: Emotional valence and functional differences between past and future mental time travel. *Memory & cognition*, 41, 187–200. DOI: 10.3758/s13421–012–0260-y.

Rice, C., Pasupathi, M. (2010). Reflecting on self-relevant experiences: Adult age differences. *Developmental Psychology, 46*(2), 479–490. DOI:10.1037/a0018098.

Rubin, D. C., Berntse, D., et al. (2019). Self-narrative focus in autobiographical events: The effect of time, emotion, and individual differences. *Memory & Cognition, 47,* 63–75. DOI: 10.3758/s13421–018–0850–4.

Seijts, G. H. (1998). The importance of future time perspective in theories of work motivation. *J. Psychol., 13*, 154–168. DOI:10.1080/00223989809599156.

Spreng, R. N., Levine, B. (2006). The temporal distribution of past and future autobiographical events across the lifespan. *Memory & Cognition, 34*(8), 1644–1651. DOI: 10.3758/bf03195927.

Stolarski, M., Fieulaine, N., Zimbardo, P. G. (2018). Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. In V. Zeigler-Hill & Todd Shackelford (eds.). *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences* (pp. 592–628). Thousand Oakes, CA: SAGE.

Szpunar, K. K., Addis, D. R., et al. (2013). Memories of the future: New insights into the adaptive value of episodic memory. *Frontiers in behavioral neuroscience, 7*, 47. https://doi.org/10.3389/fnbeh.2013.00047.

Trope, Y., Liberman, N. (2003). Temporal construal. *Psychological Review, 110*(3), 403–421. DOI:10.1037/0033–295X.110.3.403.

Wang, Q., Hou, Y., et al. (2011). Travelling backwards and forwards in time: Culture and gender in the episodic specificity of past and future events. *Memory, 19*(1), 103–109. DOI: 10.1080/09658211.2010.537279.

Wilson, A. E., Ross, M. (2003). The identity function of autobiographical memory: Time is on our side. *Memory*, 11, 137–149. DOI:10.1080/741938210.

The human is the creature of distant: on reverse temporal perspective in autobiographical memory

Veronika V. NOURKOVA,
Ph.D. in Psychology, Professor of the Russian Academy of Sciences, leading researcher at the School of Anthropology of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. 84, Vernadskogo Ave., 119606, Moscow, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-3117-3081, Scopus ID: 7801671712. E-mail: Nourkova@mail.ru

ABSTRACT This article explores the concept of reverse time perspective in autobiographical memory, presenting it as a metaphor to analyze how individuals' past and future can provide meaning to the present's uncertainties and motivate life-scale activities. Initially, the psychological concept of time perspective (TP) is reviewed, highlighting its essential functions and optimal qualities. The fundamental law of forgetting, which implies a gradual fading of memory details over time, is identified as the primary challenge to optimal TP. The classic forgetting curve reflects the straight perspective principle regarding memory functioning. However, the sign nature of TP as a method of cultural interpretations of space and time distance allows for the possibility of employing it not only in straight, but also in reverse manner. Autobiographical memory implements the principle of reverse perspective where perceptual intensity for past and future events increases with their personal significance and temporal distance.

KEY WORDS autobiographical memory, time perspective, forgetting law, straight and reverse perspective

THE CITATION REFERENCE Nourkova V. V. The human is the creature of distant: on reverse temporal perspective in autobiographical memory. The Educational Policy Journal, (2024), 1(97), 26–37. DOI:10.22394/2078–838X-2024–1-26–37

Received: 05.2024
Accepted: 05.2024
Date of publication: 06.2024

This is an open access article distributed under the terms of the Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 (CC BY-NC-ND 4.0).